

5.14.34
13163

ТРУДЫ
АКАДЕМИИ

40

МОСКВА - ВПА - 1962

Т

Ц. 254

В 63

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА
КРАСНОЗНАМЕННАЯ АКАДЕМИЯ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ТРУДЫ
АКАДЕМИИ

40

3702-41

чр 20/13

~~БИБЛИОТЕКА
Военно-политической
Академии им. В. И. Ленина~~

БИБЛИОТЕКА
№ ~~7500~~ 75500
ВИ

МОСКВА ☆ 1962

*Главный военный прокурор
генерал-лейтенант юстиции А. Г. ГОРНЫЙ*

О РАЗРАБОТКЕ ВОЕННО-ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМ

В решениях XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза, в принятой им новой Программе партии, в докладах и заключительном слове товарища Н. С. Хрущева содержится огромное богатство теоретических и практических положений, касающихся государства и права, законности и борьбы с преступностью, обороны страны и строительства Вооруженных Сил. В этих материалах для военных юристов, как теоретиков, так и практиков, непочатый край работы по их изучению, осмысливанию, а главное — по их претворению в жизнь.

Разработка и принятие новой Программы партии стали возможными в результате огромной работы партии, проведенной за последние годы, по восстановлению ленинских норм партийной и государственной жизни и по преодолению вредных последствий культа личности Сталина. Все это оказалось бы невозможным без идейного и политического разгрома антипартийной группы фракционеров и раскольников Молотова, Кагановича, Маленкова и других. Будучи лично причастны ко многим преступным нарушениям закона, эти лица всячески препятствовали осуществлению курса, принятого XX съездом партии.

Теперь уже хорошо известно отрицательное влияние культа личности на все стороны жизни нашего общества, но не будет преувеличением сказать, что есть одна область, на которой особенно тяжело сказались последствия культа личности как в теории, так и на практике. Эта область — **социалистическая законность**.

Именно в результате пренебрежения к ленинским принципам законности стали возможны произвол и злоупотребление

властью, массовые репрессии в отношении честных партийных, государственных и военных работников.

Известно, что в середине тридцатых годов внутри страны уже не было какой-либо социально-экономической почвы для обострения классовой борьбы. Что же касается опасности, исходившей от капиталистического окружения, засылавшего к нам свою агентуру, то для ее обезвреживания не было необходимости прибегать к чрезвычайным мерам и к попранию закрепленных Конституцией демократических принципов правосудия. Тем не менее именно в этот период, особенно после убийства С. М. Кирова и затем в 1937 году, был принят ряд чрезвычайных законов, расширены полномочия внесудебных органов и т. п. Все это открывало неограниченные возможности для злоупотреблений властью, произвола, клеветы, фальсификации и других отвратительных явлений, неизбежных при попрании закона.

Как указывалось на XX и XXII съездах, теоретическим обоснованием массовых репрессий являлся антиленинский тезис, выдвинутый в 1937 году Сталиным, неоднократно повторяемый Молотовым о том, что, якобы, по мере роста успехов социализма, обостряется классовая борьба и внутри страны. Этот тезис всячески перепевался Вышинским и перекладывался на юридическое «ноты».

Как отмечалось на недавнем прошедшем совещании по вопросам идеологической работы, роль «лидирующего теоретика» в области права или вернее, как метко было сказано, роль «теоретической дубинки» была предоставлена Вышинскому, вокруг которого тоже был создан своеобразный культ личности.

Будучи огражден от критики, Вышинский своими глубоко ошибочными положениями по ряду вопросов материального и процессуального права нанес большой вред советской юридической науке и практике, ибо не следует забывать, что Вышинский являлся не только лидирующим теоретиком, но и Прокурором Союза в течение ряда лет.

Именно Вышинский выдвинул и обосновал тезис о том, что по делам о государственных преступлениях признание обвиняемого является решающим доказательством и что чем тяжелее преступление, тем меньше требуется доказательств для обвинения в нем. Этим следственные органы прямо ориентировались не на соби́рание объективных доказательств, а на получение признания обвиняемого во что бы то ни стало и любыми методами.

Такой же вред социалистической законности наносился Вышинским и его последователями отрицанием объективного характера истины в уголовном деле, что ориентировало суды

на субъективизм. Он совершенно неправильно противопоставлял интересы социалистического строительства формальным требованиям закона, требуя устранить «противоречия между формулой закона и жизненным требованием». Отсюда недвусмысленно вытекало, что если получение признания обвиняемого в антигосударственной деятельности является «жизненным требованием», то для его получения можно и не стесняться «формальным требованием закона».

Все это было «жизненно» необходимо Вышинскому для того, чтобы приспособить юридическую науку к оправданию творившихся на практике и при его личном активном участии нарушений закона. Все, что писал и произносил Вышинский, выдавалось за истину в последней инстанции. Многие ученые послушно шли в его фарватере, а те, кто пытался ему возражать, подвергались разному, а то и зачислялись в разряд врагов народа. Так случилось с Н. В. Крыленко и Е. Б. Пашуканисом. П. И. Стучка уже посмертно был зачислен в тот же разряд, и его работы были преданы забвению.

Известно, что Стучка и Крыленко в своих теоретических высказываниях не были свободны от ошибок, но нельзя забывать, что это были старые коммунисты и революционеры, и именно они в первые годы Советской власти, работая под непосредственным руководством В. И. Ленина, много сделали и для создания и развития советской юридической науки.

Отсутствие обстановки свободной творческой дискуссии, разностный стиль критики крайне отрицательно отражались на состоянии юридической науки и, в частности, на **разработке правовых вопросов строительства и деятельности Вооруженных Сил, законности и борьбы с правонарушениями в армии.**

Еще в 1940 году Вышинский в присущем ему стиле учинил разгром ряда работников Военно-юридической академии, пытавшихся заниматься разработкой вопросов уголовного права и процесса применительно к особенностям Вооруженных Сил. Следует оговориться, что автор этих строк не принадлежит к числу сторонников существования военно-уголовного права как самостоятельной отрасли. Но представляется, что формы и методы, в которых шла борьба со сторонниками такой позиции, вообще отбивали желание и охоту заниматься научной разработкой военно-юридических проблем; тем самым наносился вред и науке, и практике. Образно говоря, «с водой выплескивался и ребенок».

Критикуя сторонников военно-уголовного права, Вышинский в 1940 году говорил следующее по поводу развития уголовно-правовых отношений в армии: «...Во-первых, не обязательно, чтобы в нашей армии были уголовно-правовые отношения, т. е. отношения, возникающие на основе совершения

преступлений; во-вторых, не обязательно, если таковые возникнут, чтобы они развивались; в-третьих, не обязательно эти отношения называть уголовно-правовыми отношениями в нашей армии...»¹

Если вдуматься в эту академическую премудрость, то здесь что ни тезис, то нелепость, не говоря уже о полном отрыве всего сказанного от жизни армии.

Видите ли — «не обязательно, чтобы в армии были уголовно-правовые отношения». Конечно, не обязательно и даже весьма желательно, чтобы их вовсе не было. Но пока это не достигнуто, преступления в армии еще кое-где совершаются, поэтому возникают и правовые отношения между правонарушителями и командиром как органом дознания, между прокурором и командиром и т. д.

Во-вторых, «если таковые и возникнут, то не обязательно, чтобы они развивались». Опять непонятно. Раз преступление совершено и уголовно-правовые отношения возникли, то они реально существуют и развиваются.

Подобное нигилистическое отношение к разработке правовых отношений, возникающих в Вооруженных Силах, в специфике воинской службы, естественно, не могло принести пользы.

Мы имеем целый ряд специальных законов, регламентирующих различные стороны жизни и деятельности армии и флота. Это Закон о всеобщей воинской обязанности и изданные на его основе Положения о прохождении действительной военной службы солдатами, матросами, сержантами и старшинами, Положение о прохождении воинской службы офицерами, генералами и адмиралами, Закон об уголовной ответственности за воинские преступления, Положение о военных трибуналах и т. д.

В области воинской дисциплины и внутренней службы мы имеем ныне утвержденные Президиумом Верховного Совета СССР и имеющие силу закона Дисциплинарный устав и Устав внутренней службы.

В области пенсионного обеспечения военнослужащих и членов их семей также имеются особые законодательные акты.

Видимо, не случайно государством приняты все эти особые законы, которые, базируясь на общих основных принципах, присущих социалистическому обществу, в то же время учитывают специфику Вооруженных Сил, и это является убедительным доказательством того, что вовсе не следует бояться термина — **военно-правовые отношения.**

¹ Труды ВЮА, 1940 г., № 1.

В соответствии с Программой КПСС, подчеркивающей значение дальнейшего укрепления социалистического правопорядка, совершенствования правовых норм, регулирующих хозяйственно-организаторскую и культурно-воспитательную работу, **совершенствование военного законодательства**, является настоятельной необходимостью.

Поэтому следует покончить с нигилистическим отношением к разработке и глубокому изучению правовых норм, касающихся жизни и деятельности Вооруженных Сил, что является задачей военно-юридической кафедры ВПА имени В. И. Ленина, военных юристов-практиков, офицеров ряда главных и центральных управлений Министерства обороны.

В частности, нельзя не учитывать тех огромных, поистине революционных преобразований, которые произошли за последние годы в наших Вооруженных Силах в связи с колоссальными достижениями науки и техники, поставившими на службу военному делу атом, реактивную технику, кибернетику, радиоэлектронику и т. д. А это требует от личного состава армии и флота исключительной четкости, слаженности, беспрекословного и точного выполнения приказов и распоряжений.

В условиях современных средств вооруженной борьбы значение порядка и воинской дисциплины возрастает неизмеримо, на что обращал внимание товарищ Н. С. Хрущев на приеме выпускников военных академий 8 июня 1961 года, а также Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский в своих неоднократных выступлениях.

В свете этого нуждаются в совершенствовании даже законы, принятые сравнительно недавно и которые в своей основе отвечают современным требованиям, как, например, Закон об уголовной ответственности за воинские преступления. Речь идет, в частности, о необходимости усиления борьбы, в том числе, быть может, и путем повышения карательных санкций закона, с преступлениями, непосредственно влияющими на боеготовность и боеспособность войск и особенно совершаемыми в подразделениях, несущих боевые дежурства.

Было бы неправильно считать, что перерастание социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление, всемерное повышение роли общественности означают какое-либо ослабление контроля за строгим соблюдением закона, норм советского права. Наоборот, в настоящее время особенно необходимо обратить всю силу законов на борьбу с уродливыми пережитками прошлого, а по отношению к ряду антиобщественных явлений принимать и более строгие законы. Именно о такой линии свидетельствует принятие в 1961-1962 годах ряда новых общесоюзных законов,

направленных на усиление борьбы с особо опасными преступлениями (крупными хищениями, фальшивомонетничеством, изнасилованием, взяточничеством, посягательством на жизнь работников милиции и народных дружинников).

Важнейшей задачей органов военной юстиции является выполнение положений Программы КПСС о ликвидации правонарушений, преступлений и устранений всех причин, их порождающих. Нет нужды говорить о том, что в условиях армии эта задача неразрывно связана с программным требованием укрепления обороноспособности страны и мощи Вооруженных Сил.

Передовым участком фронта борьбы с правонарушениями является следствие. Новые законы ставят перед следственными органами многосторонние и сложные задачи: обеспечить полную раскрываемость каждого преступления в условиях объективности и строгого соблюдения всех процессуальных норм с одновременным глубоким выявлением причин, способствовавших правонарушению. Успешное решение этих задач требует высокой организованности и профессионального мастерства каждого следователя. Этому должна способствовать научная разработка вопросов методики, организации и руководства следствием в органах военной юстиции.

Требования новых законов о строгом соблюдении всех норм вовсе не означают бюрократизации процесса. Между тем некоторые практические работники — военные прокуроры, следователи и судьи неправильно восприняли указание закона об изучении личности, безгранично расширяют пределы следствия, назначают ненужные экспертизы при отсутствии признаков, указанных в законе, и т. п.

Все это отрицательно отражается на эффективности борьбы с преступностью. Следует подумать над тем, как лучше обеспечить экономичность и оперативность следствия, не допуская при этом никакого упрощенчества и обеспечивая строжайшее соблюдение процессуальных норм.

Для решения поставленной в Программе партии задачи искоренения преступности важнейшее значение имеет изучение причин, способствующих преступлениям. Хорошо известно, что в течение многих лет эта работа в стране по существу не велась и лишь в последнее время ей уделяется некоторое внимание.

В Советских Вооруженных Силах имеются наиболее благоприятные объективные условия для искоренения преступности. Между тем пока подлинно научное изучение причин все еще имеющихся в армии правонарушений оставляет желать много лучшего, и в этом направлении буквально непочтатый край деятельности для военных юристов. Эти же вопросы за-

служивают внимания и работников политических органов армии и флота, ибо не секрет, что многие причины медленного решения проблемы искоренения правонарушений кроются именно в серьезных недостатках воспитательной и идеологической работы.

Первостепенного внимания военных юристов заслуживает проблема правильного сочетания мер строгого государственного принуждения в отношении опасных преступников с мерами воспитательного и общественного воздействия на лиц, впервые совершающих малозначительные правонарушения.

В течение ряда лет нашим прокурорским и судебным органам не хватало стабильности и ровности; допускались ошибки как в сторону необоснованных послаблений, так и в сторону излишней строгости. Как метко заметил секретарь ЦК КПСС т. Ильичев, нельзя в этих вопросах качаться из стороны в сторону, как маятник¹.

Интересы укрепления воинской дисциплины в современных условиях требуют, чтобы в рамках единой советской судебной политики судебная практика в Вооруженных Силах как один из элементов воспитания и перевоспитания военнослужащих была бы более строгой и выдержанной.

В свете решений XXII съезда КПСС большой теоретический и практический интерес представляет проблема правильного сочетания общей и частной **превенции** и индивидуализации наказания. Представляется, что требование закона об индивидуализации наказания подчас понимается несколько односторонне, только в плане учета личности и преимущественно обстоятельств, смягчающих вину, хотя в законе указаны и многие другие обстоятельства, которые должны приниматься во внимание. Несколько упускалась из виду задача общей превенции, что было характерно на определенном этапе и для практики органов военной юстиции.

Известно, что одним из неправильных теоретических положений Сталина являлось сужение задач права и социалистической законности и сведение их главным образом к охране социалистической собственности. При этом задача охраны прав личности, жизни, здоровья, чести и достоинства граждан незаслуженно отстранялась на задний план. Видимо, не случайно в течение длительного времени в нашем законодательстве умышленное убийство каралось менее строго, чем ряд других не столь опасных и тяжких преступлений.

Программа КПСС подчеркивает, что переход к коммунизму означает всемерное развитие свободы личности и прав советских граждан, и из этого важнейшего положения должны

¹ См. «Коммунист», № 1, 1962 г.

быть сделаны определенные выводы и в юридической науке и в практике.

Следует отметить, что необходимость усиления охраны прав личности отдельными юристами воспринималась несколько односторонне, лишь в плане гарантий процессуальных прав обвиняемого. Естественно, что и это является важной стороной охраны прав граждан, попиравшихся в период культа личности. Но нельзя забывать, что когда идет речь о свободе личности и охране прав советских граждан, то прежде всего имеется в виду обеспечение условий и возможностей для всестороннего расцвета личности и осуществления лозунга партии «все для человека, все во имя человека».

Немаловажное место в обеспечении прав граждан занимает их защита от преступных посягательств. Усиление борьбы с хищениями, хулиганством, туеядством, стяжательством, со всеми антиобщественными элементами, мешающими честным советским людям — строителям коммунизма спокойно жить, трудиться и отдыхать, как раз и есть высшее проявление социалистического гуманизма и охраны личности.

Следующая весьма важная проблема — это правовые формы, методы использования силы общественного воздействия для укрепления дисциплины и правопорядка в части, подразделении. В этой области уже накоплен большой практический опыт, есть много положительных примеров, но, наряду с этим, допускается еще немало ошибок и недостатков, проявляется непонимание этих вопросов у части командиров. Разработка вопросов совместной деятельности командира и общественности в укреплении правопорядка, с учетом понимания партийных основ единоначалия, является благодарной задачей военных юристов-государственников.

Такова лишь небольшая часть вопросов, непосредственно вытекающих из решений XXII съезда КПСС и имеющих огромное практическое значение и для дальнейшего укрепления социалистической законности и обороноспособности страны, над разработкой которых нам следует потрудиться.

